

УДК 343.14

DOI [10.17150/1996-7756.2015.9\(1\).130-143](https://doi.org/10.17150/1996-7756.2015.9(1).130-143)

ВОПРОСЫ ПОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация*

Информация о статье

Дата поступления

20 ноября 2014 г.

Дата принятия в печать

4 февраля 2015 г.

Дата онлайн-размещения

31 марта 2015 г.

Ключевые слова

Уголовно-процессуальное
познание; доказывание;
восприятие; информационная
теория доказательств; вербальный
способ познания; «невербальный»
способ познания; отражение
доказательственной информации

Финансирование

Проект 942 проектной части
государственного задания на
выполнение НИР Министерства
образования и науки Российской
Федерации

Аннотация. Настоящая статья посвящена перспективам развития теории уголовно-процессуального доказывания в целом и познания в частности в контексте возможного отступления от существовавших ранее догматических постулатов марксистско-ленинской философии.

Отталкиваясь от информационной концепции уголовно-процессуальных доказательств, авторы с учетом современных, в том числе зарубежных, достижений философии, психологии, психофизиологии и нейropsychологии рассматривают закономерности получения дознавателем, следователем, судьей познавательного материала и формирования на этой основе соответствующих мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу.

Достигнутые результаты позволили авторам статьи обосновать два основных способа уголовно-процессуального познания — вербальный и «невербальный», что дало возможность наметить определенные тенденции развития теории уголовно-процессуального доказывания, которые в дальнейшем могут выступить методологической основой для исследования сущности и специфики отдельных видов доказательств.

ISSUES COGNITION IN MODERN CRIMINAL PROCEEDINGS

Voskobitova, Lidiya A., Rossinskiy, Sergey B.

Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Moscow, Russian Federation

Article info

Received

2014 November 20

Accepted

2015 February 4

Available online

2015 March 31

Keywords

Criminal procedure cognition;
evidence; perception; information
theory of evidence; verbal way
cognition; non-verbal cognition
procedure; reflection evidentiary
information

Financing

Project 942 of State task on research
project of Ministry of Education and
Science of the Russian Federation

Abstract. The article studies prospects of criminal procedural investigation theory development in general and development of cognition in particular in terms of possible deviations from previously dogmatic assumptions of Marxist-Leninist philosophy.

Basing on informational concept of criminal procedural evidence, the authors study objective laws of obtaining cognitive materials by detectives, investigators, judges and developing corresponding images that reflect facts to be substantiated. Authors consider current achievements in philosophy, psychology, psychophysiology and neuropsychology.

The achieved results let the authors justify two main methods of criminal procedural cognition — verbal and non-verbal and define certain trends in criminal procedural investigation theory development. The trends may become methodological basis for studying nature and aspects of certain types of investigation.

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного! Ведь процессуальное доказывание неразрывно связано с познавательной деятельностью суда, органов дознания и предварительного следствия. Как неоднократно отмечали ведущие отечественные ученые-процессуалисты, доказывание составляет сердцевину уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении [36, с. 4; 46, с. 41]. Поэтому наряду с правовой сущностью оно имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную процессуальную форму. Как справедливо отмечал С.В. Бородин, природа доказательственного права, его сущность обусловлены формой уголовного процесса, присущей той или иной исторической эпохе [30, с. 521], тогда как законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общения. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполненных целым спектром внутренних противоречий. А в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных, реформ и изменений уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Существующие здесь проблемы, считает А.А. Давлетов, исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно возрастает, так как научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться [20, с. 13–14]. Причем вплоть до настоящего времени ученые не выработали единой позиции по поводу соотношения познания и доказывания, хотя факт тесной взаимосвязи данных процессуальных категорий уже ни у кого не вызывает сомнений. В литературе по этому поводу существует несколько наиболее базовых позиций. Так, некоторые специалисты отождествляют указанные

категории, полагая, что доказывание и есть познание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (например: [2, с. 10; 53, с. 296; 57, с. 16; и т.д.]). Другие исследователи понимают под доказыванием более узкий правовой инструмент (разновидность познания), характеризующийся, например, наличием строгой процессуальной формы [42, с. 113; 58, с. 6; 28, с. 8; 15, с. 186; и т.д.], возможностью опосредованного восприятия обстоятельств уголовного дела [34, с. 21–22] или направленностью на строго определенный круг обстоятельств [3, с. 86; 22, с. 122–123; и т.д.]. Кстати, примерно такими же подходами к соотношению познания и доказывания характеризуются и другие отрасли процессуальной науки, в частности гражданского процесса (см.: [19, с. 167; 55, с. 33]).

Существует и еще одна достаточно интересная точка зрения, в определенной степени разводящая познание с доказыванием. Ее представители (А.Р. Ратинов [54, с. 288–289], Э.С. Зеликсон [26, с. 12], Р.Г. Домбровский [24, с. 21], А.А. Леви [32, с. 259–260] и некоторые другие) еще в советский период развития уголовно-процессуальной науки отмечали, что доказыванием следует считать процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения. Наибольшее развитие данная концепция приобрела в связи с переходом отечественного уголовного судопроизводства к состязательным механизмам. Представляется, что сама Конституция РФ определила правовые параметры реформы судебной власти и заложила основы для пересмотра сформировавшихся методологических представлений о судебном познании (подробнее об этом см.: [16, с. 279]). В этой связи В.А. Лазарева совершенно справедливо отмечает, что сложившиеся в советский период представления о доказывании как о процессе, тождественном познанию, мешают развитию состязательной формы уголовного судопроизводства [31, с. 98]. Развивая позицию о разграничении юридического познания и доказывания в контексте принципа состязательности, Ю.П. Боруленков считает, что при определении сущности этих категорий следует исходить прежде всего из функций субъектов и наличия их специфического интереса. Он говорит о доказывании как о деятельности, обуславливающей функции сторон, в противовес функции суда,

выраженной в познании. Таким образом, под доказыванием ученый понимает деятельность по обоснованию сторонами утверждений, которая, по его мнению, должна быть разграничена с процессуальным познанием [11, с. 220–221], т.е. сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений¹.

В целом разделяя подобные научные взгляды, предполагающие рассмотрение процессуального познания и доказывания в контексте принципа состязательности, позволим себе не согласиться с доводами Ю.П. Боруленкова о жестком разграничении этих категорий. Представляется, что доказывание нельзя рассматривать исключительно как некий логический процесс, направленный на убеждение сторонами суда в правильности своих позиций. Безусловно, что он имеет и познавательную составляющую. Особо наглядно это прослеживается в досудебном производстве по уголовному делу, где органы расследования для обоснования своей позиции осуществляют полноценное познание всех обстоятельств уголовного дела (ст. 73 УПК РФ) посредством производства следственных и иных процессуальных действий. Проверая различные версии в период между возбуждением уголовного дела и моментом привлечения лица в качестве обвиняемого, следователь (дознатель) в различных формах осуществляет познание обстоятельств дела, но выводы относительно обвинения он должен основывать лишь на достаточных доказательствах (ст. 171 УПК РФ). В свою очередь, наделяя суд познавательной функцией, нельзя забывать о его обязанности исследовать все имеющиеся доказательства, давать им надлежащую оценку и лишь на их основании логически обосновывать и мотивировать любой приговор или иное решение (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 88 УПК РФ)².

Таким образом, для определения сущности доказывания в уголовном судопроизводстве необходим более компромиссный подход, пред-

полагающий сочетание познавательных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон. Бесспорно, что уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию «познание», и, конечно, эти категории не тождественны. Вместе с тем доказывание нельзя полностью развести с познавательной деятельностью, т.е. лишить его гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы как суда, так и сторон. Доказывание в уголовном судопроизводстве можно рассматривать как двухэтапный процесс, состоящий в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела и в логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений³. Следовательно, в части осуществления своего первого этапа доказывание действительно является разновидностью процессуального познания в целом и имеет с ним общую внутреннюю гносеологическую сущность, общие механизмы постижения человеком обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. С этих позиций уголовно-процессуальное познание всего лишь частный случай познания в целом; ему присущи все основные законы и закономерности познавательной деятельности. Законы эти, указывал А.И. Трусов, едины для всякого познания. Они действуют как при познании больших процессов и явлений (например, при установлении закономерностей природы, общества, человеческого мышления), так и при восстановлении картины единичных фактов, явлений, событий (например, факта преступления и виновности определенного лица). Без использования этих закономерностей не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина [56, с. 10].

Во многом эти закономерности обусловлены концептуальным философско-методологическим подходом к сущности познания. Причем в отечественной науке таковым традиционно являлся диалектический материализм (в советский период — марксистско-ленинская

¹ В формальной логике такой процесс принято называть не доказыванием, а доказательством чего-либо (например: [4, с. 161]).

² Проявление аргументационной (логической) функции суда в доказывании очень хорошо выражено в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 1 «О судебном приговоре» с последующими изменениями и дополнениями.

³ Близкая по смыслу позиция о двухэтапном характере доказывания ранее высказывалась А.А. Давлетовым. Вместе с тем автор считает доказывание лишь вторым этапом познавательной деятельности [20, с. 178]. Примерно такие же взгляды высказываются в некоторых современных работах по гражданскому процессу (например: [10, с. 15–18; 51, с. 344, 350]).

диалектика); на нем вплоть до настоящего времени зиждется вся национальная теория доказательств; на него опирались и продолжают опираться фундаментальные процессуальные и криминалистические исследования. Переориентирование методологии познания в сторону иных концептуальных подходов объективно потребует пересмотра большинства существующих научных положений и создания новых, альтернативных теорий. Готова ли юридическая наука к такому переосмыслению методологических основ? Данные вопросы представляются крайне сложными и неоднозначными, поскольку связь уголовно-процессуальной науки с современной философией существенно ослаблена. Многие разработки по вопросам познания философской науки XIX, XX, XXI вв. просто неизвестны или мало известны современным процессуалистам; их еще только предстоит освоить, осмыслить и соотнести с имеющимися процессуальными представлениями.

Безусловно, не следует забывать, что в советский период развития уголовно-процессуальной науки диалектический материализм расценивался не просто как основной методологический подход к сущности познания. В контексте проводимой советским государством радикальной политики воззрения и идеи этой философской школы приобрели официальный государственный статус и фактически превратились в неоспоримую научную догму. Иные мировоззренческие позиции изначально были обречены на провал. Мы полагаем, что современные подходы к сущности познания в уголовном судопроизводстве вынуждены будут пока носить в некотором роде компромиссный характер.

Диалектический материализм позволил сформировать некую упрощенную схему представлений о познании, которая и легла в основу теории уголовно-процессуального доказывания. В работах советских ученых унаследованы некоторые мировоззренческие идеи других философских школ и направлений, история которых насчитывает не одну сотню лет. Как отмечается в философской литературе, диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем представляет собой качественно новый этап в ее развитии. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее теоретического

осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем [60, с. 13, 35].

Поэтому мы пока не видим реальных возможностей для поиска принципиально иных, альтернативных концептуальных подходов к сущности уголовно-процессуального познания. Мы согласны с А.А. Давлетовым, считающим, что содержание процессуального познания не может быть выяснено без привлечения диалектической теории [20, с. 20]. Вместе с тем в современных условиях диалектико-материалистический подход не может расцениваться как неоспоримая научная догма. Полагаем, что существующие в теории уголовно-процессуального познания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте восприятия отдельных положений и взглядов из области других, и в первую очередь современных, философских учений. Именно в таком направлении нам видятся дальнейшие шаги в этом сегменте процессуальной науки.

Диалектический материализм предполагает наличие одной весьма важной гносеологической закономерности — способности материи к отражению, которая, по мнению советских ученых, основывающихся на работах В.И. Ленина, «существует в фундаменте самого здания материи» [6, с. 118–119; 7, с. 8; 34, с. 15]. В ходе отражения осуществляется как бы «перевод» некоторого содержания (отражаемого) в такую форму, в которой это содержание становится внутренним достоянием отражающего. Тем самым вещи как бы оставляют свой след друг в друге, существуют не только «в себе», но и «в другом» [23, с. 25; 34, с. 27]. Некоторые представители марксистско-ленинской философии писали об отражении в широком смысле — как относящемся к любым проявлениям объективной действительности, и в узком смысле — как относящемся исключительно к человеческому сознанию. Причем узкий смысл отражения ими отождествлялся с познанием [39, с. 34; 49, с. 12–14].

Очевидно, что подобное свойство материи играет первостепенную роль и применительно к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. Его особая ценность обусловлена преимущественно ретроспективным характером процессуального познания. В этой связи советская юридическая наука просто изобиловала различными исследованиями, направленными на имплантацию указанных постулатов

марксистско-ленинской философии в теорию уголовно-процессуального познания и доказывания. Причем дальше всех в этих вопросах, безусловно, продвинулись представители так называемой информационной теории доказательств, возникшей в 1960-е гг. на фоне развития кибернетики. Ими была выдвинута идея о доказательственной информации как о сигнале, поступающем из объективной действительности в сознание субъекта доказывания и формирующем там некий «отпечаток» [2, с. 83–86; 5, с. 10–15; 6, с. 136–137; 54, с. 215–217]. Иными словами, ученые фактически приблизились к концепции познания (доказывания) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, очевидно, из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксизмом-ленинизмом.

Ради справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании (например: [21, с. 87; 39, с. 34; и т.д.]). Упоминание образов встречается и в работах В.И. Ленина [33, с. 114]. Но вместе с тем отечественные философы относились к данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная «опасность» перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике [13, с. 12].

В настоящее время более не существует никаких идеологических преград для рассмотрения уголовно-процессуального познания вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Поэтому, на наш взгляд, в современных условиях наибольшие научные усилия, связанные с развитием теории доказательств, необходимо направить именно на исследование вопросов познания обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, т.е. попытаться сделать то, чего так не хватало советской процессуальной науке. Полагаем, что, методологически отталкиваясь от информационной концепции и дополнив ее современными представлениями о механизмах формирования мысленных образов в сознании познающих субъектов, можно будет по-новому взглянуть на

достоинства и недостатки различных видов доказательств и, следовательно, наметить новые подходы к оценке их относимости, допустимости, достоверности и достаточности для разрешения уголовного дела.

Одним из базовых положений информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания (дознаватель, следователь, суд) получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме¹. Таким образом, содержанием сигнала выступает сама информация, а его формой — способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т.д.). Механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, носят субъективный характер [5, с. 13; 41, с. 297; 54, с. 216]. Но вместе с тем мы не можем согласиться с утверждением, что само психическое отражение имеет материальную сущность, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека.

Психологи XIX в., труды которых, очевидно, и повлияли на мировоззренческие взгляды В.И. Ленина, действительно представляли восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Видимо, именно эти позиции и послужили основой для возникновения ленинской теории отражения, а позже фактически выступили в качестве методологической базы для советских исследований в области доказательственного права. Поэтому отечественные специалисты рассматривали субъекта познания как лицо, осуществляющее бесстрастное и механическое отражение (фотографирование, копирование в своем сознании) объекта познания (подробнее об этом см.: [17, с. 16; 18, с. 26]). Однако сегодняшняя наука подходит к данной проблеме с совершенно иных позиций. В частности, выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают воспри-

¹ В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, т.е. как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта (например: [29, с. 67–69; 44, с. 25–27]).

ятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сравнения этих гипотез с исходными данными [37, с. 232]. В основе восприятия, бесспорно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты¹ и какие причины обуславливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически, высказав соответствующие предположения [38, с. 431, 434]. Таким образом, на сегодняшний день в психологии не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия перцептами. В этой связи Г.А. Зорин в своих работах выделяет целый спектр возможных ошибок следователя при приеме и декодировании информации [27, с. 33]. В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия. Известный британский философ XX в. К.Р. Поппер писал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изоощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнять к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки благодаря тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки [68, р. 69]. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает

серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности. Более того, несмотря на всю значимость восприятия, данный процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь перцепты, выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не представляет собой полноценный мысленный образ какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы — это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения [67, р. 47]. В свою очередь, известный французский философ XX в. П. Рикер писал, что сознание — это то, что получает свой смысл только в последующих образах, т.е. некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом [69, р. 177]. Поэтому современные ученые выделяют более сложную (высшую) форму познания — представление (гнозис), т.е. способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность представления (гнозиса) от функции восприятия, полагаем, что оно также никоим образом не может расцениваться как имеющее материальный характер. И, следовательно, его результаты — мысленные образы — нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Скорее уместно предположение об их относительной адекватности по отношению к объективной действительности. В зависимости от модальности, т.е. от используемых рецепторов, выделяют различные виды представления (гнозиса): зрительное, слуховое, обонятельное, тактильное и др. При этом для современного человека наибольшую актуальность имеет зрительное и слуховое представление [14, с. 20]. Применительно к уголовно-процессуальному познанию приоритет зрения и слуха над познавательными свойствами других органов чувств прекрасно прослеживается в существующей системе доказательств.

¹ Перцептом в психологии называется то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт — феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия [64].

На основании многолетних исследований в области психофизиологии и нейропсихологии ученые пришли к выводу о существовании серьезных различий в механизмах зрительного и слухового познания. Эти особенности обусловлены структурной и функциональной организацией коры головного мозга: зрительное восприятие зависит от одной части мозга, а слуховое — от другой [37, с. 29]. Очевидно, что свою основную роль зрительный гнозис выполняет при познании дознавателем, следователем, судом материальных фрагментов объективной реальности. В психологии по этому поводу существует специальный термин — «наглядно-образное мышление» [14, с. 32]. Несомненно, человек способен к чувственному познанию материальных объектов посредством иных форм представления, в частности слухового. В обыденной жизни подобных примеров не так уж и мало: бессознательный крик младенца, звук ружейного выстрела, шум летящего самолета и т.д. Однако на фоне зрительной информации их доля несоизмеримо мала. Если же взглянуть на рассматриваемую ситуацию в контексте уголовного судопроизводства, то становится очевидным: зрительный гнозис дознавателя, следователя и особенно судьи является практически единственным способом получения сведений от материальных объектов познания. А редкие случаи использования иных органов чувств (например, при осмотре места пожара, где присутствует резкий запах, или при проведении следственного эксперимента, направленного на установление возможности услышать звук выстрела на определенном расстоянии) — это те самые исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов. В данном случае субъекты познания взаимодействуют не с фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а с информацией, извлекаемой или уже извлеченной из сознания других лиц. В уголовном процессе таковыми являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, специалисты, а также иные люди, не имеющие процессуального статуса, но общившиеся дознавателем, следователем или судом значимые для уголовного дела сведения, на-

пример автор приобщенного к материалам уголовного дела документа и т.д. В части судебного производства в качестве подобных «поставщиков сведений» можно рассматривать дознавателя и следователя — субъектов, представивших информацию о результатах досудебного производства в виде соответствующих протоколов следственных действий.

Каждый из этих лиц ранее также выступал субъектом познания, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу. Следовательно, сознание каждого такого человека предварительно подвергалось воздействию тех же самых психических процессов, которые нами были рассмотрены применительно к субъектам познания; любому из них присуща соответствующая форма представления (гнозиса). Поэтому их знания об окружающей реальности также нельзя считать имеющими объективный характер. Как и в случае с субъектами познания, здесь можно говорить лишь об относительной адекватности формируемого перцепта и соответствующих мысленных образов. Поэтому при взаимодействии дознавателя, следователя или судьи с идеальными объектами познания их собственный перцепт приобретает явно производный характер. В данном случае образуется как бы «перцепт в квадрате». Основанные на нем мысленные образы обладают уже вторичным субъективизмом, бесспорно влияющим на их относительную адекватность. Кстати, именно поэтому Н.И. Порубов, рассматривая проблемы допроса, совершенно справедливо указывал, что информация, поступающая к человеку из внешнего мира, отличается от той, которую он передает другому [45, с. 8–9]. Близкую позицию в своих работах высказывает и А.В. Победкин [42, с. 53].

Еще одной важной особенностью идеальных объектов познания является условно-знаковая форма их передачи. Люди не обладают способностью чтения мыслей и мысленных образов других людей, поэтому человеческое общение, определяемое обменом сведениями, проистекает посредством специально выработанных интеллектуальных знаков (кодов). Такой способ передачи информации принято именовать вербальным (от лат. *verbalis* — словесный). В процессуальных и криминалистических исследованиях, посвященных проблемам познания и

доказывания, существует множество толкований термина «вербальный». Однако мы в данном случае придерживаемся наиболее широкого подхода, предполагающего всевозможные процессы оперирования различными словами, знаками, символами и другими интеллектуальными сигналами, содержащими человеческие мысли. Полагаем, что именно подобная позиция охватывает любые (а не только собственно словесные) механизмы восприятия дознавателем, следователем и судом идеальных объектов познания. Вербальные способы познания в уголовном судопроизводстве характеризуются разумным соотношением использования зрительных и слуховых форм представления, однако в любом случае формируемый посредством речевого и иного знакового восприятия перцепт сам по себе не связан с существованием наглядных образов. Для их создания требуется еще более сложный познавательный механизм — рациональное (вербально-логическое [14, с. 32]) мышление, предполагающее использование формально-логических категорий, таких как понятие, суждение, умозаключение. В этой связи нам бы не хотелось допускать серьезную ошибку, привязывающую подобную форму представления исключительно к вербальным способам познания идеальных объектов. Работа дознавателя, следователя, судьи с материальными объектами познания тоже предполагает использование понятий, суждений и умозаключений [8, с. 44]. Однако эти формально-логические категории начинают использоваться несколько позже, во время оперирования соответствующими доказательствами в целях получения промежуточных или окончательных выводов. Тогда как сам зрительный гнозис, само формирование образов материальных объектов осуществляется исключительно посредством чувственного (наглядно-образного) познания.

Раскрывая сущность вербального способа познания в уголовном судопроизводстве, следует обратить особое внимание на содержание протокола соответствующего следственного или судебного действия, например допроса или очной ставки. В этом документе фиксируются не результаты рационального мышления субъекта познания, не сформированные мысленные образы, а сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками в их практически первозданном виде. Указанное

требование прямо вытекает из положений закона, предписывающих обязанность записывать показания лица по возможности дословно (ч. 2 ст. 190 и п. 10 ч. 2 ст. 259 УПК РФ). В этой связи требует известных оговорок мнение Х.А. Сабирова, полагающего, что суд при исследовании протокола допроса имеет дело со сведениями, которые трансформируются дважды — через сознание допрашиваемого и сознание следователя [50, с. 21]. Осуществляя познавательные приемы, основанные на использовании вербальных механизмов, дознаватель или следователь действительно формируют в своем сознании соответствующие мысленные образы, обусловленные закономерностями рационального мышления. Однако эти мысленные образы не подлежат фиксации в материалах уголовного дела. Если такое требование соблюдено, они не станут предметом последующего судебного разбирательства. Но если следователь излагает показания «своими словами», то искажения информации действительно нарастают. Полагаем, что законодатель, называя ст. 276 и 281 УПК РФ не оглашением протоколов допросов, а именно оглашением показаний, недостаточно учитывает возможность непредумышленного, бессознательного «редактирования» показаний во время их записи в протокол.

Совершенно иной нам представляется концепция познания обстоятельств уголовного дела, сопряженного с восприятием материальных объектов. Дознаватель, следователь или судья зрительно (в исключительных случаях — посредством иных органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной действительности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный перцепт. Далее на основании этого перцепта посредством зрительного (в исключительных случаях — иного) представления в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания. И лишь затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в протокол следственного действия или судебного заседания, где, в отличие от вербальных способов познания, отражается уже не перцепт, а словесная форма выражения мысленных образов, создан-

ных в сознании дознавателя, следователя или судьи. Именно эти образы, как писал В.Е. Шабалин, содержат материал, который фиксируется в протоколе [61, с. 9]. В этой связи мы снова вынуждены подвергнуть критике позицию Х.А. Сабирова, полагающего, что такие протоколы по сравнению с протоколами допросов или очных ставок содержат меньшее число посредствующих звеньев между познаваемым фактом и судом. Автор ошибочно считает, что, например, в ходе осмотра места происшествия непосредственно воспринятые следователем сведения подлежат закреплению в протоколе как бы в первоизданном виде, и поэтому второй акт передачи информации отсутствует [50, с. 21]. Представляется, что протоколы следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и подобных следственных действий формируются именно в процессе двухэтапного отражения сведений, имеющих значение для уголовного дела¹. Второй этап такого отражения как раз обусловлен прохождением соответствующей информации через мысленный образ субъекта процессуального познания.

Этот механизм установления обстоятельств уголовного дела не предполагает использования интеллектуальных функций передачи и восприятия информационных сигналов. Поступающие сведения имеют преимущественно наглядно-образное содержание (в редких случаях выражены в виде иных образов — акустических, тактильных, запаховых и пр.). Иными словами, в основе данного способа познания лежат не вербальные, а принципиально иные сигналы, имеющие материально фиксированный характер и обусловленные физическими свойствами окружающего мира.

Рассматриваемый способ уголовно-процессуального познания мы называем «невербальным». Однако при этом следует обратить внимание, что в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе такой термин используется уже достаточно активно. Причем различные ученые вкладывают в него совершенно разный смысл [9, с. 21; 12, с. 358; 40, с. 227; 43, с. 46–47; 52, с. 27; 62, с. 15, 107]. Вместе с тем наиболее разумными нам представляются по-

зиции тех ученых, которые рассматривают его в широком смысле, т.е. отождествляют понятие «невербальности» с любыми познавательными приемами, основанными на личном восприятии дознавателем, следователем или судом материальных обстоятельств объективной реальности: следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д. [25, с. 12; 63, с. 260]. Таким образом, под «невербальным» способом процессуального познания мы понимаем систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (наглядно-образного) восприятия дознавателем, следователем или судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе соответствующего доказательственного представления (гнозиса), т.е. мысленных образов, отражающих обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. Вместе с тем очевидно, что с учетом многообразия толкований невербальности в контексте процессуального познания использование данной терминологии в предложенном нами широком значении является несколько условным и не может претендовать на абсолютную непогрешимость. В этой связи термин «невербальный» мы преднамеренно берем в кавычки.

Итак, механизмы вербального и «невербального» познания — это принципиально разные способы установления дознавателем, следователем, судом обстоятельств уголовного дела. Причем они отличаются друг от друга не только характером поступающей информации, особенностями ее восприятия и осмысления. Их различия также обусловлены биологическими и нейропсихологическими закономерностями работы человеческого мозга. Как отмечал американский психофизиолог Д. Хэссет, между двумя половинами мозга имеются биологические различия, с которыми, по-видимому, связаны разные типы мышления [65, р. 116]. Результаты многолетних научных опытов и испытаний, проводившихся отечественными и зарубежными учеными на протяжении XX в., показали, что при переходе человека от «невербальных» заданий к вербальным происходит уменьшение правополушарного доминирования реакции активности или смена правополушарного доминирования на левополушарное [59, с. 81–83]. Однако самые последние исследования вопросов межполушарной асимметрии несколько пошатнули

¹ Близкая по смыслу позиция высказывается в диссертации И.В. Ананенко, который совершенно справедливо называет отражение обстоятельств уголовного дела в соответствующих протоколах вторичным [1, с. 13].

концепцию абсолютного разделения вербальных и «невербальных» функций соответственно в левом и правом полушариях мозга. На смену пришли новые научные представления, согласно которым левое полушарие относительно доминирует в ходе вербальных психических процессов, а правое — при «невербальных». Причем у левшей относительное доминирование полушарий мозга организовано с точностью до наоборот [59, с. 85]. Очевидно, что подобная биологическая дифференциация механизмов вербального и «невербального» познания оказывает достаточное влияние на существующие различия между формируемыми мысленными образами. Как уже отмечалось выше, современная наука еще не смогла выработать каких-либо аргументированных позиций, определяющих устойчивую связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе познания перцептами и мысленными образами. Поэтому в настоящее время научное обоснование четких критериев различия вербального и «невербального» познания не представляется возможным. Вместе с тем на сегодняшний день сам факт существования подобных различий вполне подтверждается индуктивным путем с помощью накопленного эмпирического материала. По этому поводу французский философ-экзистенциалист, специалист в области феноменологии М. Мерло-Понти приводил ряд интересных примеров со слепыми и зрячими людьми, с немыми и озвученными кинофильмами и т.д. [66, р. 301]. Полагаем, что все сказанное в полной мере относится и к уголовному судопроизводству. Очевидно, что мысленные образы

дознателя, следователя, судьи, формируемые посредством вербальных способов процессуального познания, так же отличаются от результатов наглядно-образного восприятия, как представления о мире слепого и зрячего человека. Слова и другие вербальные средства общения передают образ объективной действительности в том ракурсе, в котором она представлена в сознании свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и других лиц, и с учетом того смысла, который вкладывает в содержание этих слов сам субъект познания. «Невербальные» средства связаны с ощущением и восприятием фрагментов объективной реальности в первозданном виде, но с учетом еще малоизученных наукой связей между сенсорной системой и процессами формирования мысленных образов. Каждый из этих способов познания имеет большое значение для установления обстоятельств, входящих в предмет уголовно-процессуального познания (доказывания). И вместе с тем у каждого из них есть своя «ахиллесова пята»¹.

В завершение следует отметить, что в настоящей статье мы попытались наметить лишь определенные тенденции развития теории уголовно-процессуального познания в современных условиях, которые в дальнейшем, несомненно, могут выступить методологической основой для исследования сущности и специфики отдельных видов доказательств.

¹ Подробнее о преимуществах и недостатках вербального и «невербального» способов уголовно-процессуального познания мы говорили в наших более ранних работах, посвященных данной проблематике [47; 48, с. 43–71].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананенко И.В. Допустимость протоколов следственных действий : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.В. Ананенко. — Краснодар : Краснодар. акад. МВД России, 2005. — 25 с.
2. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. — М. : Юрид. лит., 1964. — 179 с.
3. Астафьев Ю.В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / Ю.В. Астафьев, Н.В. Изотова. — Курск : ФГУИПП, 2002. — 256 с.
4. Афанасьева О.В. Логика : учеб. пособие / О.В. Афанасьева. — М. : Проспект, 2008. — 271 с.
5. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания / В.С. Балакшин. — Екатеринбург : ООО «Изд-во УМЦ УПИ», 2004. — 298 с.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. / Р.С. Белкин. — М. : Юрист, 1997. — Т. 1. — 408 с.
7. Белкин Р.С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. — М. : ВШ МВД СССР, 1970. — 130 с.
8. Белкин Р.С. Тактика следственных действий / Р.С. Белкин, Е.М. Лифшиц. — М. : Новый Юрист, 1997. — 176 с.
9. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / С.Н. Богомолова, В.А. Образцов, А.А. Протасевич [и др.] ; под ред. В.А. Образцова. — М. : Юрист, 1999. — 501 с.
10. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. — М. : Проспект, 2013. — 616 с.
11. Боруленков Ю.П. Юридическое познание / Ю.П. Боруленков. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 392 с.

12. Васильев В.Л. Юридическая психология : учебник / В.Л. Васильев. — М. : Юрид. лит., 1991. — 462 с.
13. Вахтомин Н.К. О роли категорий «сущность» и «явление» в познании / Н.К. Вахтомин. — М. : АН СССР, 1963. — 184 с.
14. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии : учебник для студентов вузов / Т.Г. Визель. — М. : В. Секачев, 2013. — 264 с.
15. Володина Л.М. Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу / Л.М. Володина // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 3 (4). — С. 184–189.
16. Воскобитова Л.А. Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.А. Воскобитова. — М. : МГЮА, 2004. — 460 с.
17. Воскобитова Л.А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине / Л.А. Воскобитова // Библиотека криминалиста. — 2012. — № 4 (5). — С. 56–64.
18. Воскобитова Л.А. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова // Философские науки. — 2013. — № 12. — С. 21–31.
19. Гражданский процесс России : учебник / под ред. М.А. Витук. — М. : Юрист, 2004. — 480 с.
20. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания / А.А. Давлетов. — Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 1997. — 191 с.
21. Дейнеко Н.И. Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект) / Н.И. Дейнеко. — Киев ; Одесса : Вища шк., 1978. — 167 с.
22. Джатиев В.С. Доказывание и оценка обстоятельств преступления / отв. ред. Н.С. Алексеев. — Ростов н/Д : Рост. гос. ун-т, 1991. — 152 с.
23. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. — М. : Моск. ун-т, 1985. — 367 с.
24. Домбровский Р.Г. Познание и доказывание в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р.Г. Домбровский. — Киев : Киев. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко, 1990. — 43 с.
25. Еникеев М.И. Следственные действия : (психология, тактика, технология) : учеб. пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. — М. : Проспект, 2007. — 216 с.
26. Зеликсон Э.С. Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Э.С. Зеликсон. — Алма-Ата : Казах. гос. ун-т им. С.М. Кирова, 1973. — 25 с.
27. Зорин Г.А. Тактический потенциал следственного действия / Г.А. Зорин. — Минск : Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1989. — 80 с.
28. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Р.В. Костенко. — Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2006. — 35 с.
29. Куликовский Л.Ф. Теоретические основы информационных процессов / Л.Ф. Куликовский, В.В. Молотов. — М. : Высш. шк., 1987. — 248 с.
30. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. — М. : Юрид. лит., 1989. — 640 с.
31. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В.А. Лазарева // Уголовное право. — 2007. — № 3. — С. 98–102.
32. Леви А.А. Избранные научные труды / А.А. Леви. — М. : РУДН, 2012. — 647 с.
33. Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. — М. : Политиздат, 1968. — Т. 18 : Материализм и эмпириокритицизм. — 526 с.
34. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики / гл. ред. Т. Павлов. — София : Наука и искусство, 1981. — Т. 1. — 688 с.
35. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования / И.М. Лузгин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 216 с.
36. Лупинская П.А. Доказывание в советском уголовном процессе : учеб. пособие / П.А. Лупинская. — М. : ВЮЗИ, 1966. — 102 с.
37. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии : учеб. пособие для студентов вузов / А.Р. Лурия. — 6-е изд. — М. : Академия, 2008. — 384 с.
38. Маклаков А.Г. Общая психология / А.Г. Маклаков. — СПб. : Питер, 2001. — 592 с.
39. Нарский И.С. Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания / И.С. Нарский. — М. : Знание, 1966. — 48 с.
40. Насонов С.А. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам / С.А. Насонов, В.А. Образцов, Т.Ю. Рзаев // Труды Московской государственной юридической академии. — 1997. — № 2. — С. 227–243.
41. Писарев Е.В. Информационное содержание процесса доказывания / Е.В. Писарев // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. — Самара : Самар. гос. ун-т, 2010. — Вып. 5. — С. 295–299.
42. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Победкин. — М. : МосУ МВД России, 2005. — 464 с.
43. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика : учеб. пособие / Н.С. Полевой. — М. : Моск. ун-т, 1982. — 208 с.
44. Полетаев И.А. Сигнал / И.А. Полетаев. — М. : Сов. радио, 1958. — 404 с.
45. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе / Н.И. Порубов. — Минск : Вышэйш. шк., 1968. — 276 с.
46. Рахунов Р.Д. Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р.Д. Рахунов. — М. : Госюриздат, 1961. — 277 с.
47. Россинский С.Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе / С.Б. Россинский // Российский криминологический взгляд. — 2013. — № 3. — С. 354–365.
48. Россинский С.Б. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий как вид доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 224 с.

49. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. — М. : АН СССР, 1957. — 328 с.
50. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Х.А. Сабиров. — Краснодар : Кубан. гос. аграр. ун-т, 2000. — 182 с.
51. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: Теоретические начала и основные институты / Т.В. Сахнова. — М. : Волтерс Клувер, 2008. — 696 с.
52. Семенов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Семенов. — Саратов : СЮИ МВД России, 2003. — 240 с.
53. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. — М. : Наука, 1968. — Т. 1. — 470 с.
54. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
55. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. — М. : Городец, 1997. — 320 с.
56. Трусов А.И. Основы теории судебных доказательств / А.И. Трусов. — М. : Госюриздат, 1960. — 176 с.
57. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. — 2-е изд. — Казань : Казан. гос. ун-т, 1976. — 206 с.
58. Хмыров А.А. Проблемы теории доказывания : учеб. пособие / А.А. Хмыров. — Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1996. — 180 с.
59. Хомская Е.Д. Нейропсихология : учебник для вузов / Е.Д. Хомская. — 4-е изд. — СПб. : Питер, 2013. — 496 с.
60. Чудинов Э.М. Природа научной истины / Э.М. Чудинов. — М. : ЛИБРОКОМ, 2010. — 314 с.
61. Шабалин В.Е. Документальная фиксация доказательств (криминалистический и процессуальный аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Е. Шабалин. — М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1975. — 25 с.
62. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. — М. : Юрлитинформ, 2001. — 208 с.
63. Шурухнов Н.Г. Классификация следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации / Н.Г. Шурухнов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. — Самара : Самар. гос. ун-т, 2010. — Вып. 5. — С. 258–264.
64. Электронная психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy.
65. Hassett J. A Primer of Psychophysiology Ames / J. Hassett. — San Francisco : W.N. Freeman and Company, 1978. — 248 p.
66. Merleau-Ponty M. Phenomenologie De La Perception / M. Merleau-Ponty. — P. : Gallimard, 1945. — 602 p.
67. Neisser U. Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology / U. Neisser. — San Francisco : W.H. Freeman, 1976. — 232 p.
68. Popper K.R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach / K.R. Popper. — Oxford : Clarendon Press, 1979. — 384 p.
69. Ricoeur P. Le Conflit Des Interpretations. Essais D'hermeneutique / P. Ricoeur. — P. : Gallimard, 1969. — 697 p.

REFERENCES

1. Ananenko I.V. *Dopustimost' protokolov sledstvennykh deistvii. Avtoref. Kand. Diss.* [Investigation activities records' admissibility. Cand. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2005. 25 p.
2. Arsen'ev V.D. *Voprosy obshchei teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Issues on general theory of court evidence]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1964. 179 p.
3. Astaf'ev Yu.V., Izotova N.V. *Dokazyvanie i operativno-rozysknaya deyatel'nost': problemy sootnosheniya i vzaimodeystviya* [Probation and investigation activities: problems of relation and interaction]. Kursk, FGUIPP Publ., 2002. 256 p.
4. Afanas'eva O.V. *Logika* [Logic]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 271 p.
5. Balakshin V.S. *Dokazatel'stva v teorii i praktike ugovolno-protsessual'nogo dokazyvaniya* [Evidence in theory and practice of criminal procedural probation]. Ekaterinburg, UMTs UPI Publ., 2004. 298 p.
6. Belkin R.S. *Kurs kriminalistiki* [Criminalistics course]. Moscow, Yurist Publ., 1997. Vol. 1. 408 p.
7. Belkin R.S. *Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie problemy sovetskoi kriminalistiki* [Leninist theory of reflection and methodological issues of Soviet criminalistics]. Moscow, USSR MIA Higher school Publ., 1970. 130 p.
8. Belkin R.S., Lifshits E.M. *Taktika sledstvennykh deistvii* [Tactics of investigation activities]. Moscow, Novyi Yurist Publ., 1997. 176 p.
9. Bogomolova S.N., Obratsov V.A., Protasevich A.A. et al. *Sledstvennye deistviya. Kriminalisticheskie rekomendatsii. Tipovye obraztsy dokumentov* [Investigation activities. Criminalistic recommendations. Typical documents]. Moscow, Yurist Publ., 1999. 501 p.
10. Bonner A.T. *Traditsionnye i netraditsionnye sredstva dokazyvaniya v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Traditional and non-traditional probation methods in Civil and Arbitrate Courts]. Moscow, Prospekt Publ., 2013. 616 p.
11. Borulenkova Yu.P. *Yuridicheskoe poznanie* [Legal cognition]. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 392 p.
12. Vasil'ev V.L. *Yuridicheskaya psikhologiya* [Juridical Psychology]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1991. 462 p.
13. Vakhtomin N.K. *O roli kategorii «sushchnost'» i «yavlenie» v poznanii* [On terms «nature» and «phenomenon» role in cognition]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 184 p.
14. Vizeľ T.G. *Osnovy neiropsikhologii* [Fundamentals of Neuropsychology]. Moscow, V. Sekachev Publ., 2013. 264 p.
15. Volodina L.M. Object of cognition and object of averment in criminal case. *Biblioteka kriminalista = Library of the Criminologist*, 2012, no. 3 (4), pp. 184–189. (In Russian).
16. Voskobitova L.A. *Mekhanizm realizatsii sudebnoi vlasti posredstvom ugovolnogo sudoproizvodstva. Dokt. Diss.* [Mechanism of Court power realization through criminal proceedings. Doct. Diss.]. Moscow, 2004. 460 p.

17. Voskobitova L.A. Certain aspects of cognition in criminal proceedings that go contrary to Truth Myth. *Biblioteka krimina-lista = Library of the Criminologist*, 2012, no. 4 (5), pp. 56–64. (In Russian).
18. Voskobitova L.A. Philosophic aspects of cognition problems in criminal proceedings. *Filosofskie nauki = Philosophical sci-ences*, 2013, no. 12, pp. 21–31. (In Russian).
19. Vikut M.A. *Grazhdanskii protsess Rossii* [Civil process in Russia]. Moscow, Yurist Publ., 2004. 480 p.
20. Davletov A.A. *Osnovy ugovolno-protsessual'nogo poznaniya* [Fundamentals of criminal procedural cognition]. Ekaterin-burg, Liberal Arts University Publ., 1997. 191 p.
21. Deineko N.I. *Ob'ektivnoe i sub'ektivnoe v protsesse otrazheniya (filosofskii aspekt)* [Objective and subjective in reflection process (philosophic aspect)]. Kiev, Odessa, Vishcha shkola Publ., 1978. 167 p.
22. Dzhatiev V.S., Alekseev N.S. (ed.). *Dokazyvanie i otsenka obsto-yatel'stv prestupleniya* [Probation and evaluation of crime facts]. Rostov-on-Don, Rostov State University Publ., 1991. 152 p.
23. Alekseev M.N., Korshunov A.M. (eds). *Dialektika protsessa poznaniya* [Dialectics of cognition process]. Moscow State University Publ., 1985. 367 p.
24. Dombrovskii R.G. *Poznanie i dokazyvanie v rassledovanii prestuplenii. Avtoref. Dokt. Diss.* [Cognition and probation in crimes' investigation. Doct. Diss. Thesis]. Kiev, 1990. 43 p.
25. Enikeev M.I., Obratsov V.A., Eminov V.E. *Sledstvennye deystviya: (psikhologiya, taktika, tekhnologiya)* [Investigation ac-tivities: (psychology, tactics, technology)]. Moscow, Prospekt Publ., 2007. 216 p.
26. Zelikson E.S. *Dokazyvanie kak deyatel'nost' sub'ektov ugovnogo sudoproizvodstva. Avtoref. Dokt. Diss.* [Probation as criminal proceedings participants' activity. Doct. Diss. Thesis]. Alma-Ata, 1973. 25 p.
27. Zorin G.A. *Takticheskii potentsial sledstvennogo deystviya* [Tactical opportunities of investigation activities]. Minsk, Belaru-sian State University Publ., 1989. 80 p.
28. Kostenko R.V. *Dokazatel'stva v ugovnom protsesse: kontseptual'nye podkhody i perspektivy pravovogo regulirovaniya. Avtoref. Dokt. Diss.* [Evidence in criminal process: conceptual approaches and prospects of legal regulation. Doct. Diss. Thesis]. Krasnodar, 2006. 35 p.
29. Kulikovskii L.F., Molotov V.V. *Teoreticheskie osnovy informatsionnykh protsessov* [Theoretical basis of informational pro-cesses]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1987. 248 p.
30. Boikov A.D., Karpets I.I. (eds). *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa. Obshchaya chast'* [A Course of Soviet Criminal Pro-cedure. General Part]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1989. 640 p.
31. Lazareva V.A. Adversariality and averment in criminal process. *Ugovnoe pravo = Criminal law*, 2007, no. 3, pp. 98–102. (In Russian).
32. Levi A.A. *Izbrannye nauchnye trudy* [Selected scientific works]. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2012. 647 p.
33. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works]. Moscow, Politizdat Publ., 1968. Vol. 18. 526 p.
34. Pavlov T. (ed.). *Leninskaya teoriya otrazheniya v svete razvitiya nauki i praktiki* [Leninist theory of reflection in terms of science and practice development]. Sofiya, Nauka i iskusstvo Publ., 1981. Vol. 1. 688 p.
35. Luzgin I.M. *Metodologicheskie problemy rassledovaniya* [Methodological issues of investigation]. Moscow, Yuridiches-kaya literature Publ., 1973. 216 p.
36. Lupinskaya P.A. *Dokazyvanie v sovetskom ugovnom protsesse* [Averment in Soviet criminal process]. Moscow, Kutafin Moscow State Law University Publ., 1966. 102 p.
37. Luriya A.R. *Osnovy neiropsikhologii* [Fundamentals of Neuropsychology]. 6th ed. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 384 p.
38. Maklakov A.G. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001. 592 p.
39. Narskii I.S. *Aktual'nye problemy marksistsko-leninskoi teorii poznaniya* [Current problems of Marxist-Leninist theory of cognition]. Moscow, Znanie Publ., 1966. 48 p.
40. Nasonov S.A., Obratsov V.A., Rzaev T.Yu. Criminalistic supervision as a method of collecting orienting information in criminal proceedings. *Trudy Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Proceedings of Moscow State Juridical Aca-demy*, 1997, no. 2, pp. 227–243. (In Russian).
41. Pisarev E.V. Informational content of averment process. In Lazareva V.A. (ed.). *Aktual'nye problemy sovremennogo ugovnogo protsessa Rossii* [Current issues of modern Russian criminal process]. Samara State University Publ., 2010, iss. 5. pp. 295–299. (In Russian).
42. Pobedkin A.V. *Teoriya i metodologiya ispol'zovaniya verbal'noi informatsii v ugovno-protsessual'nom dokazyvanii. Dokt. Diss.* [Theory and methods of verbal information application in criminal procedural averment. Doct. Diss.]. Moscow, 2005. 464 p.
43. Polevoi N.S. *Kriminalisticheskaya kibernetika* [Criminalistic Cybernetics]. Moscow State University Publ., 1982. 208 p.
44. Poletaev I.A. *Signal* [Signal]. Moscow, Sovetskoe radio Publ., 1958. 404 p.
45. Porubov N.I. *Dopros v sovetskom ugovnom protsesse* [Interrogation in Soviet criminal process]. Minsk, Vysheishaya shkola Publ., 1968. 276 p.
46. Rakhunov R.D. *Uchastniki ugovno-protsessual'noi deyatel'nosti* [Participants of criminal procedural activity]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 277 p.
47. Rossinskii S.B. On issue of developing the proof theory in criminal procedure. *Rossiiskii kriminologicheskii vzglyad = Rus-sian Criminological View*, 2013, no. 3, pp. 354–365. (In Russian).
48. Rossinskii S.B. *Rezultaty «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deystvii kak vid dokazatel'stv po ugovnomu delu* [Re-sults of «non-verbal» investigation and court activities as type of evidence on criminal case]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2015. 224 p.
49. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie* [Objective reality and consciousness]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 328 p.

50. Sabirov Kh.A. *Protokoly sledstvennykh i sudebnykh deistvii kak vid dokazatel'stv v rossiiskom ugovnom protsesse*. Kand. Diss. [Investigation and court records as evidence in Russian criminal process. Cand. Diss.]. Krasnodar, 2000. 182 p.
51. Sakhnova T.V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: Teoreticheskie nachala i osnovnye instituty* [Course of Civil process: Theoretical basis and main institutes]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 696 p.
52. Semenov V.V. *Protsessual'nye i kriminalisticheskie problemy ispol'zovaniya neverbal'noi informatsii na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva*. Kand. Diss. [Procedural and criminalistic problems of non-verbal information application on prelitigation stage of criminal process. Cand. Diss.]. Saratov, 2003. 240 p.
53. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa* [Course of Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1. 470 p.
54. Zhogin N.V. (ed.). *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Proof theory in Soviet criminal procedure]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 736 p.
55. Treushnikov M.K. *Sudebnye dokazatel'stva* [Court evidence]. Moscow, Gorodets Publ., 1997. 320 p.
56. Trusov A.I. *Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv* [Main theories of court evidence]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 176 p.
57. Fatkullin F.N. *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya* [General problems of procedural averment]. 2nd ed. Kazan' State University Publ., 1976. 206 p.
58. Khmyrov A.A. *Problemy teorii dokazyvaniya* [Problems of averment theory]. Krasnodar, Kuban' State University Publ., 1996. 180 p.
59. Khomskaia E.D. *Neiropsikhologiya* [Neuropsychology]. 4th ed. Saint Petersburg, Piter Publ., 2013. 496 p.
60. Chudinov E.M. *Priroda nauchnoi istiny* [Nature of scientific truth]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 314 p.
61. Shabalin V.E. *Dokumental'naya fiksatsiya dokazatel'stv (kriminalisticheskii i protsessual'nyi aspekty)*. Avtoref. Kand. Diss. [Documental evidence record (criminalistic and procedural aspects). Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1975. 25 p.
62. Sheifer S.A. *Sledstvennye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. The system and the procedural form]. Moscow, Yurilitinform Publ., 2001. 208 p.
63. Shurukhnov N.G. Classification of investigation activities provided by Criminal-procedural Code of the Russian Federation. In Lazareva V.A. (ed.). *Aktual'nye problemy sovremennogo ugovnogo protsessa Rossii* [Current issues of modern criminal process in Russia]. Samara State University Publ., 2010, iss. 5, pp. 258–264. (In Russian).
64. *Elektronnaya psikhologicheskaya entsiklopediya* [Electronic psychological encyclopedia]. Available at: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy. (In Russian).
65. Hasset J. A *Primer of Psychophysiology* Ames. San Francisco, W.N. Freeman and Company, 1978. 248 p.
66. Merleau-Ponty M. *Phenomenologie De La Perception*. Paris, Gallimard, 1945. 602 p.
67. Neisser U. *Cognition and Reality: Principles and Implications of Cognitive Psychology*. San Francisco, W.H. Freeman, 1976. 232 p.
68. Popper K.R. *Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*. Oxford, Clarendon Press, 1979. 384 p.
69. Ricoeur P. *Le Conflit Des Interpretations. Essais D'hermeneutique*. Paris, Gallimard, 1969. 697 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воскобитова Лидия Алексеевна — заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: lavosk@mail.ru.

Россинский Сергей Борисович — доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Воскобитова Л.А. Вопросы познания в современном уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова, С.Б. Россинский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015. — Т. 9, № 1. — С. 130–143. — DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).130-143.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Voskobitova, Lidiya A. — Head of the Criminal Procedure Department of Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Doctor of Law, Professor, Moscow, Russian Federation; e-mail: lavosk@mail.ru.

Rossinskiy, Sergey B. — Associate Professor of the Criminal Procedure Department of Kutafin Moscow State Law University (MSLA), PhD in Law, Associate Professor, Moscow, Russian Federation; e-mail: s.rossinskiy@gmail.com.

REFERENCE TO ARTICLE

Voskobitova L.A., Rossinskiy S.B. Issues cognition in modern criminal proceedings. *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*, 2015, vol. 9, no. 1, pp. 130–143. DOI: 10.17150/1996-7756.2015.9(1).130-143. (In Russian).